

Козловский И.С.

18/м-90

лес. просв.- 1990. - 18 августа. - с. 2.

Как много дум наводит он...

В светлой комнате со множеством фотографий на стенах, с черным роялем, занимающим гла-венствующее место, я ожидалась встречи с человеком, чей голос знаком каждому. Наши родители, дедушки и бабушки до боли в ладонях аплодировали ему на спектаклях Большого театра, засыпали цветами. Миллионы людей, заслушав по радио чарующие звуки исполняемых им украинских песен и романсов, на миг замирали, забыв обо всем на свете... Иван Семенович Козловский...

И вот он спускается из своего кабинета по винтовой лестнице бодрыми шагами — по-прежнему подтянутый, элегантный, в сером костюме, белоснежной рубашке с «бабочкой». И, право же, трудно поверить, что совсем недавно мы отмечали его 90-летие, отмечали широко, торжественно. Юбилейным вечером в Большом театре, концертами в его честь.

Но есть на земле место, где торжества, посвященные юбилею всенародно любимого артиста, отмечались особенно тепло и сердечно. Это его родное украинское село Марьиновка, откуда 83 года назад он ушел в большой мир искусства и куда вернулся живой легендой.

И если о замечательном певческом даре Ивана Семеновича написано множество статей и книг, то о его огромной любви к своей «малой родине» известно не так широко. О Марьиновке Козловский может говорить часами. И все же мой первый вопрос о другом:

— Иван Семенович, что особенно запомнилось вам в ряду юбилейных вечеров?

— Вы знаете, когда я пришел на вечер в Большой театр, где давно не был, то очень боялся развалиться перед выступлением. Та теплота, которую мы часто скрываем, вдруг выплеснулась мне навстречу. Осветители, костюмеры — каждый хотел сказать что-то доброе, улыбнуться. Костюмерша поглаживала рукав моего фрака — вот так. Все разумное, доброе, накопившееся в душах, проявилось в этот миг.

Подумайте, певцы-теноры на вечере надели костюмы всех персонажей, которые я сыграл и спел в своей жизни. Пришли представители разных театров. Ну и, конечно, приехали ученики и их учителя из Марьиновки. На юбилейном вечере в Большом театре они много пели — и украинские песни, и даже из «Всенощного бдения» Рахманинова. «Блажен муж» пели вместе с народной

артисткой УССР Ольгой Басистюк. «Отче наш...».

— Иван Семенович, вы упомянули ребят из вашего родного села. Того самого, в котором благодаря вам была организована музыкальная школа. Знаю, что вы сами и педагогов приглашали, и ходили по высоким инстанциям, чтобы у сельских детей были те же возможности для эстетического воспитания, что и у городских, доставали инстру-

зыки и пения, инструменталисты — тоже бывшие ее воспитанники. К примеру, Люда Добривская, Алла Голиневич. В вечерях в Большом театре и в ЦДРИ принимал участие студент Киевской консерватории Слава Лемишко (профессор К. Огневой), тесно связанный творческим содружеством с музыкальной школой и хором села. Так создаются прочные музыкальные традиции в самом селе.

вы в первой паре с актрисой и дети с пожилыми партнерами танцуете полонез.

— Да, это так.

— Дети всегда были предметом вашего особого попечения. Задолго до возвращения в нашу жизнь понятия «благотворительность» вы давали ежегодные концерты для воспитанников московского детского дома № 22 и даже организовали их поездку в Марьиновку. Может быть, вы по-

стопам. Почему? Я могу ответить на этот вопрос так: потому что сейчас изменен социальный статус певца.

— Вы говорите о сегодняшнем Большом театре?

— О Большом театре — тема отдельная. Она обязывает к единственной исповеди. А исповедоваться каждый день, по-моему, нельзя.

— Ваш опыт, ваше поразительное музыкальное дарование могли бы послужить добрую службу начинающим певцам. Вы не собираетесь написать книгу?

— Думаю.

— Вам приходилось работать с замечательными дирижерами — Головановым, Суком, Самосудом, Пазовским, Коутсом, Ипполитовым — Ивановым. Какие из спектаклей вами партий вспоминаются больше всего?

— Я сам себе задаю такой вопрос часто, но определить не могу. Вообще больше думаю о том, что не состоялось...

— А разве у вас такое бывало? И почему? Не смогли, не успели?

— Нельзя успеть все. Меня убеждал дирижер В. Сук, чтобы я спел Германна в «Пиковой даме». Я как раз уже спел партию Лоэнгрину в одноименной опере Вагнера, а он дирижировал. Его поддержал С. Самосуд: «Давайте хоть сцену у Графини. Я хочу послушать, как вы будете петь...». Конечно, я сейчас жалею, что не пришлось эту партию спеть.

Еще жалею, что не удалось спеть с Надеждой Обуховой «Прекрасную Елену» Ж. Оффенбаха. А вот «Цыганского барона» я в Большом театре пел! Да, ставили по понедельникам. Тогда деньги тоже нужны были. Германна не спел, а вот в «Кармен» пел Хозе. Более пятидесяти партий было в моем репертуаре.

— Иван Семенович, я помню, как зал ахнул, когда на своем юбилее вы внезапно подхватили на руки актрису Юлию Борисову. Многие читатели интересуются: в чем секрет вашей душевной молодости, физической бодрости?

— Если отвечать правдиво — наверное, склад характера такой. Люблю людей, люблю жизнь. Работу любил раньше очень. А она заставляла всегда держать форму. Сегодня, например, три раза поднялся на кольцах. А главное, надо, чтобы солнцем светилась душа...

Беседу вели
Л. НЕКРАСОВА.

менты, свой автобус... И замечательный марьиновский сад — это тоже ваша заслуга.

— Когда-то один академик, занимавший высокий пост и весьма дружески относившийся ко мне, решительно возражал против строительства музыкальной школы в этом селе. Уровень не тот. Послушал бы он сейчас, как они поют!

После юбилейного вечера в Большом театре был еще один — в ЦДРИ. На нем присутствовали профессора консерватории Владислав Геннадьевич Соколов, Михаил Георгиевич Соколов, искусствовед Павел Алексеевич Пичугин, профессор Сергей Леонидович Доренский и Мстислав Анатольевич Смирнов. Дети пели очень много — классику, например, из «Орфея» Глюка, чем поразили обоих Соколовых, народные украинские песни, потом песни, которые написала молодой композитор Светлана Островская, бывшая их же хористка, а теперь студентка Киевской консерватории. Среди педагогов школы есть преподаватели му-

зыки и пения, инструменталисты — тоже бывшие ее воспитанники. К примеру, Люда Добривская, Алла Голиневич.

В антракте, переполненные всем увиденным, тихо запели, и так запели, что японцы, сидевшие рядом, ахнули. Откуда дети, которые так поют? Японцы надарили ребятам подарков, а потом написали про них в своей стране. Один даже свой бинокль подарил, и он висит в школе.

Я часто вспоминаю в связи с этим, как в оперном театре в Полтаве, где я пел в 1918 году, воспитанницы института благородных девиц танцевали полонез. Я полонеза такого не видел никогда. Я полонеза такого не видел больше нигде. Так вот, мне хотелось, чтобы и сельские дети могли так пройтись в полонезе. И это случилось. И не где-нибудь, а в Кремлевском Дворце съезда.

— Я знаю, что торжественный полонез из «Евгения Онегина» звучит в Доме ветеранов сцены под Киевом, куда вы регулярно приезжаете с учащимися и учительницами из вашего родного села. И там они дают концерт, а потом

делитесь своими мыслями о том, как нам наладить все-таки работу по эстетическому воспитанию юных?

— Прежде всего, думаю, надо отменить плату за музыкальное образование. Оно должно стать бесплатным. Например, в селе есть трое ребят, и все талантливые, но их родители вносят ежемесячную плату не могут. Их музыкальное образование оплачивается из небольшого фонда, созданного нашими выступлениями. А там, где такого нет, как быть?

Духовикам я бы вообще давал стипендии. Духовики нужны везде, и в частности в армейских оркестрах.

— Среди ваших родственников или марьиновских детей есть кто-нибудь, кто выделялся бы певческим даром?

— У моей сестры был очень хороший голос, но ей в голову не приходило учиться пению. И спала богу. Это очень тяжелый хлеб. Ни один человек, знающий, что такое певческая карьера, не хочет, чтобы его дети шли по его